

Т. С. Шахматова
**НЕГАТИВНАЯ ЛЕКСИКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ЛИЦО:
АНАЛИЗ АРГУМЕНТАЦИИ ЛИНГВИСТА НА МАТЕРИАЛАХ
СУДЕБНЫХ ДЕЛ ПО ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ
РЕПУТАЦИИ,
ДЕЛ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ**

T. S. Shahmatova
**THE NEGATIVE VOCABULARY CHARACTERISING A PERSON:
THE ANALYSIS OF LINGUISTIC ARGUMENTATION ON THE
MATERIALS OF CASES ON PROTECTION OF HONOR, DIGNITY AND
BUSINESS REPUTATION,
CASES OF INSULT**

В статье рассматриваются способы анализа лексики с негативной оценочностью, заложенной в корне лексемы. Предлагается методика, позволяющая оценить аргументацию лингвиста всем участникам судебного процесса, независимо от наличия филологического образования.

The article deals with the methods of analyzing words having negative evaluation implicit in the root. The author suggests the method which allows all the participants of the trial to appreciate linguistic argumentation, regardless of their philological skills or special education.

Ключевые слова: негативная оценочность, социальная оценочность, речевой акт оскорбления, инвективы, контекст.

Key words: negative evaluation, social evaluation, speech act of insult, invectives, context.

Цели и задачи лингвистической экспертизы, вопросы о границах действий эксперта-филолога при проведении исследования неоднократно становились предметом обсуждения в научной литературе.

Несмотря на это, в реальной судебной практике приходится нередко сталкиваться с исследованиями, которые при формальном соблюдении выработанных экспертами конвенций не могут являться доказательствами в деле. Причины этого могут быть самые различные. В экспертизах по делам о защите чести и достоинства, деловой репутации и оскорблении, одной из важнейших проблем с точки зрения методологии экспертизы является отсутствие четких критериев оскорбительной лексики при квалификации речевого акта оскорбления. «Разновидности конвенциональных решений могут быть следующими: 1. Квалификация при помощи авторитета, 2. Квалификация путем договоренности. В первом случае мы сталкиваемся с авторитетом силы, большинства, науки и, наконец, личности, во втором – с прямой или со стихийной договоренностью о том, что считать хорошим, а что – плохим или что считать приличной формой, а что – нет» [Бринева, 2009b, с. 17]. Кроме того, серьезной проблемой в подобного рода делах является и тот факт, о котором также неоднократно писали исследователи: юристы и лингвисты не всегда абсолютно точно понимают друг друга.

В одних случаях, выслушав возражения другой стороны, суд назначает повторную экспертизу у другого эксперта, в других выводы экспертизы все-таки признаются достаточными для суда, поскольку для судьбы, неспециалиста в области

лингвистики, чаще всего главным доказательством является экспертный статус филолога.

В результате нередко на суде возникает ситуация, при которой одна из сторон оказывается в роли рискованного игрока – повезет/ не повезет с заключением, что, конечно, недопустимо. Цель данной статьи – определить способ проверки аргументации эксперта-филолога в суде, так чтобы результат проверки был очевиден всем участникам процесса, независимо от владения лингвистической терминологией. Задачами работы являлись: анализ спорных и неоднозначных примеров из собственной судебной практики; демонстрация опробованной в суде методики проверки аргументации эксперта-филолога.

Охватить все случаи, вызвавшие наши возражения в суде, в рамках одной статьи не представляется возможным. Мы сосредоточимся на проблеме определения значения слов и выражений, квалификации степени их оскорбительности при адресации лицу.

Одной из важнейших задач лингвистической экспертизы исследователи называют работу с семантикой.

В делах об оскорблении, защите чести и достоинства и деловой репутации этот вопрос встаёт в связи с вопросом о речевом акте, который направлен на понижение социального статуса оскорбляемого, и о том, насколько резкая форма для этого выбрана. Эта позиция отражена, например, в работах Голева Н. Д. [Голев, 1999], Бринёва К. И. [Бринёв, 2009а, 2009б], Кусова Г. В. [Кусов, электронный ресурс] и др.

В качестве иллюстрации мы выбрали курьезный случай из собственной судебной практики, который, на наш взгляд, как нельзя лучше демонстрирует проблемы лингвистической экспертизы в вопросах работы со значением слова. Мы сравниваем заключения (имя эксперта называть здесь не будем, вполне достаточно цитат из заключений) по аналогичным делам, связанным с защитой чести, достоинства, деловой репутации, делам об оскорблении, которые были возбуждены по заявлениям представителей администрации завода «Тольяттисинтез» к редакции газеты «Тольяттинский химик» и руководству альтернативного профсоюза «Наше дело».

Во всех случаях спор велся на поле лингвистики не меньше, чем на поле юриспруденции. Филологи привлекались к разбирательству и той и другой стороной. Следовательно, нашей задачей являлось составление возражений на экспертизы противоположной стороны. Поводом к написанию данной статьи послужил случай из серии «нарочно не придумаешь», своеобразный логический тупик, барьер понимания, когда приведенные лингвистами аргументы (при всей их очевидности для филолога), для нефилологов (судьи и юристов) приобрели характер соревнования экспертов в научных степенях и должностях. Вся эта ситуация помогла выявить существенный зазор в самой методологии экспертизы и способ его снятия в рамках судебного процесса в тех случаях, когда разбираются слова литературного языка (не неприличная форма и не мат), содержащие негативную характеристику, угрожающую социальному равновесию лица.

Первый пример демонстрирует работу со значением слов «кляузник» и «интриган». Дело о защите чести, достоинства и деловой репутации по иску господина Е-ва к редакции газеты «Тольяттинский химик», опубликовавшей статью «Почему лихорадит СЭБ?» («Тольяттинский химик» (№ 5 (151), 14 марта, 2011 г.).

Для исследования был дан фрагмент текста газетной статьи: *«Итогом стал разговор Е-ва с Лукъянченко по поводу её увольнения с ТК по собственному желанию. Но и это задание Е-в как всегда провалил. Лукъянченко его попытки просто проигнорировала. Собственно кто такой Е-в? Мы знаем ответ на этот вопрос. Употребим любимое выражение администрации: кляузник и интриган».*

К этому отрывку статьи заданы стандартные вопросы: «Содержатся ли в статье под названием «Почему лихорадит СЭБ» ... слова и выражения, негативно характеризующие Е-ва как личность, с точки зрения его деятельности и моральных качеств? Содержатся ли в статье утверждения о нарушении Е-вым действующего законодательства, общепринятых моральных норм и принципов, неправильном и неэтичном поведении в общественной и частной жизни?». Также был задан вопрос о наличии оскорбительных высказываний в адрес Е-ва.

Ответ эксперта: «В данном фрагменте представлена следующая негативная информация о Е-ве: 1) Е-в как руководитель СЭБ не способен выполнять поручаемые ему задания, что, безусловно, негативно характеризует его профессиональную деятельность, 2) Е-в как личность характеризуется рядом негативных качеств, а именно склонностью к интригам, наущничеству. Данная информация отрицательно характеризует истца с точки зрения общепринятых моральных норм».

Значения слов «кляузник» и «интриган» приводятся по словарю С. И. Ожегова:

«Кляузник (разговорное, презрительное) – человек, который занимается кляузами, кляузничает.

Интриган (неодобрительное) – человек, который занимается интригами».

Отвечая на вопрос, содержит ли статья оскорбительные выражения в адрес Е-ва, эксперт пишет: «Данная статья не содержит ненормативных слов, употребление которых в речи нарушает общепринятые нормы речевого поведения. Однако в тексте данной статьи содержится литературное слово, заключающее в своей семантике негативную оценку Е-ва в резкой, уничижительной форме (исходя из определения суда, при ответе на данный вопрос мы будем касаться личности истца – Е-ва), которое при определённых условиях можно квалифицировать как инвективное (оскорбительное) – слово *кляузник*. <...> Данное слово можно отнести ко второй группе литературных слов из приведённой типологии потенциально инвективных слов (слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого: *расист, двурушник, предатель* и др.). Такого рода слова, обращенные к какому-либо лицу без достаточного основания и доказательства, оспринаются и расцениваются им как клевета».

Надо пояснить, что эксперт пользуется классификацией инвективной лексики, состоящей из слов литературного языка, из книги «Цена слова» приводя классификацию полностью во вступительной части исследования.

Слово *интриган* не рассматривается экспертом как оскорбительное. О нём вообще больше не упоминается в экспертизе, хотя в словаре оно помечено как неодобрительное и, в сущности, тоже обозначает социально осуждаемую деятельность. Возможно, эксперт проигнорировал это слово в связи со словарной пометой: слово *кляузник* имеет помету «презрительное», а слово *интриган* – «неодобрительное».

Рассмотрим другое заключение этого же эксперта по другому делу о защите чести и достоинства, компенсации морального вреда.

Вопрос о наличии оскорбительных высказываний в адрес гражданки В-ой задан по следующему фрагменту текста делового письма, отправленного вышестоящему начальнику гражданки В-ой, и впоследствии опубликованного в газете «Тольяттинский химик» 29.02.2012 (выпуск 4) [орфография и пунктуация авторские – Т. Ш.].

«Между тем, хотелось бы обратить Ваше внимание на то, как менеджеры ООО «Тольяттикаучук» откликнулись на Ваше поручение. Позицию которых демонстрирует советник генерального директора по юридическим вопросам ООО «Тольяттикаучук» В-ой (приложение 1), которая в настоящий момент является фигурантом уголовных дел по обвинениям в клевете. Целенаправленно дискредитируя

нашу организацию, объединяющих производственников с большим стажем работы. Создавая образ врага. По сути, паразитируя на этом. Непомерно раздув юридический штат с запредельными денежными вознаграждениями».

Из всего многообразия негативной информации о В-ой эксперт выделяет деепричастие *паразитируя* от *паразитировать*, которое, в свою очередь, перенимает свою стилистическую маркировку от существительного *паразит*: «человек, который живет чужим трудом, тунеядец (презр.)» [Ожегов, 1999, С. 490].

Согласно рекомендациям научно-методической литературы, эксперт должен «дать толкование значения и разъяснение происхождения слова, словосочетания, фразеологизма или иной языковой единицы; истолковать основное и дополнительное (коннотативное) значение языковой единицы или языковой единицы, актуализированной в контексте [подчеркивание – Т. Ш.]» [Галашина, 2003, с. 53].

В исследовании слову дано определение, которое, по мнению эксперта, оно приобретает в данном контексте, освобождаясь от негативной коннотации. *Паразитировать – «извлекать выгоду из критики профсоюза [«Наше дело»], умаление его авторитета, получать от этого определённые дивиденды».*

Если в случае со словом *кляузник* указывается на то, что подобные выражения оценки «без достаточного основания и доказательства воспринимаются как клевета» (не будем останавливаться сейчас на правомерности самой этой формулировки), то в отношении слова *паразитируя* эксперт приходит к выводу прямо противоположному. «Конструкция «создавая образ врага, по сути, паразитируя на этом – в форме оценочного суждения-мнения (мнения-оценки) [подчеркивание автора – Т. Ш.] на что указывают соответствующие маркеры: семантика слова враг, включающая негативно-оценочный компонент *вражда* и образный метафорический характер всего сочетания в целом (*создавать образ врага*), что говорит о субъективном отношении к высказываемой ситуации», кроме того, вводное слово *по сути*, вводящее парцеллированную часть *по сути, паразитируя на этом* указывает на итог размышлений авторов письма (вывод как осознанно сформировавшийся вывод о действительном положении дел) маркирует контекст мнения. В связи с этим верификации этих выражений является невозможной [орфография авторская – Т. Ш.]».

Т. е. в случае со словом *кляузник* оценка должна быть снабжена фактическим подкреплением, а в случае со словом *паразитируя* – это принципиально не нужно. А в случае со словом *интриган* – вообще ничего не понятно. Получаем абсурд. Во всех трёх случаях присутствует социально осуждаемая деятельность или образ поведения лица, в двух случаях слово имеет презрительный оттенок, во всех случаях представлена негативная оценка с точки зрения поведения в социуме, понижающая статус данного лица, угрожающая его социальному лицу (публикация в газете, характеристика в письме вышестоящему начальнику) [Цена слова, 2002, с. 334–335]. Но только одно слово признано потенциально оскорбительным.

Формально эксперт соблюдает все требования к экспертному заключению. Он опирается на рекомендованные словари, ссылается на авторитетную в области юрислингвистики литературу. В подобной ситуации судье и юристам, специалистам в области права, действительно трудно разобраться, чем отличается «актуализация значения в контексте» от приобретенного с легкой руки эксперта нового «контекстного» значения. Более того, не всегда это бывает очевидно и самому эксперту, поскольку, как пишет Ю. В. Фоменко, в языке до сих пор существует заблуждение о том, что слово семантически несамостоятельно и актуализирует свое значение только при вхождении в контекст: «Говорящий идет от значения к контексту, а слушающий – от контекста к значению. Но главную роль в этой «пьесе» играет говорящий. При кодировании мы движемся от слова к тексту, при декодировании от

текста к слову. В этом случае мы действительно наблюдаем ситуацию, когда контекст (т.е. слова, известные получателю речи) подсказывает смысл того или иного неизвестного или непонятого слова. Но эту ситуацию было бы неверно называть зависимостью слова от контекста <...> Слово не приспособляется к контексту, не деформируется в нём, не наполняется любым требуемым содержанием, а используется в том значении, которое оно имеет в языке» [Фоменко, 2010, с. 98]. Эта мысль соотносится с ключевой идеей А. Ф. Лосева о том, что имя есть орудие понимания: это значит, что именуемая вещь раньше всего понимает сама себя, а затем и потому – ее понимает и всякая другая вещь. Также Лосев пишет о том, что субъективное понимание объективного смысла вещи через общение становится общеязыковым [Лосев, 2008].

Здесь не избежать упоминания такого понятия как «концепт». В данной работе это только необходимое теоретическое понятие, через которое можно проиллюстрировать границы зависимости значения слова от контекста. «Речевая деятельность эксплицирует свернутые интеллектуально-оценочные процессы, которые сначала извлекают, а затем соотносят значения и смыслы употребляемых и воспринимаемых слов. <...> Слово-номинатор, вербализатор концепта, «приводит в движение» фреймы данного ментального блока. Следовательно, человек мыслит концептами, которые суть квинтэссенция индивидуальных речемыслительных актов» [Вардзелашвили, 2004, с. 40].

Концепт не только вбирает в себя все, что принадлежит природе понятия и значения, но также является фактом культуры, он «вбирает в себя и то, что делает его таковым: исходная форма (этимология), аксиологическая оценка, ассоциации, абстракции, ментальные изоглоссы» [Вардзелашвили, 2004, с. 41]. Именно в силу того, что концепт заключает в себе информацию, известную не только для данного индивида, но и информацию, важную и известную всему данному сообществу, становится важен анализ контекста. Но ни в коем случае не наоборот – контекст не генератор значений, а их внешний «проявитель». Это положение уже имеет практическое значение для судебного процесса, потому что, выводя значение слова только из контекста (как делает наш эксперт, определяя слово «паразитируя» в приведённом выше примере), мы меняем местами причину и следствие, а следовательно получаем искажённый анализ текста.

Кроме того, сама по себе попытка соотносить лексику негативного содержания с той или иной классификацией на предмет определения степени оскорбительности высказываний может сопровождаться логической ошибкой.

В «китайской» классификации животных, которую любят приводить в качестве примера такой логической ошибки как **недержание основания классификации** [Репин], животные делятся на:

- а) принадлежащих императору;
- б) бальзамированных;
- в) прирученных;
- г) молочных поросят;
- д) сирен;
- е) сказочных;
- ж) бродячих собак;
- з) включенных в настоящую классификацию;
- и) буйствующих, как в безумии;
- к) неисчислимым;
- л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти;
- м) и прочих;
- н) только что разбивших кувшин;

о) издалека кажущихся мухами.

Это забавно и очевидно ошибочно, потому что речь идёт о понятных вещах. Но в существующих на данный момент классификациях лексики, способной оскорбить, есть аналогичные зазоры между определенными классами слов. Кроме того, эксперт, решая, что является социально осуждаемой деятельностью, а что не является, также может быть субъективен. Так, например, такие качества как умение манипулировать людьми и плести интриги (негласно, согласно сложившимся внутренним конвентам) могут положительно оцениваться среди политиков, в некоторых женских коллективах и т. п. И словарь с его стилистическими пометами здесь может помочь не всегда.

В современных исследованиях по лингвистике проблемы и пробелы конвенционального подхода активно обсуждаются. Так, К. И. Бринёв пишет, что для русской речевой культуры обценные слова и формы, содержащие непристойность, негативно оценочные практически при любых обстоятельствах, и с ними лингвистическая экспертиза и суд более-менее научились справляться. Однако «употребление других языковых средств оценивается как неприличное по отношению к другой шкале – оскорбление как форма речевого поведения оценивается как неприличная, и в данном случае не является важным, в какой форме (обценной, просторечной или литературной) было выражено оскорбление» [Бринев, 2009а, с. 107].

Оскорбление как форма речевого поведения выражается, в первую очередь, в логической формуле речевого акта оскорбления: «Тезис о социальной несостоятельности личности преподносится в безапелляционном виде и именно это создает иллюкутивный эффект речевого акта оскорбления. В таком понимании **оскорбление** – это речевой акт прямого действия, направленный на подавление интеллектуальной составляющей сознания личности с целью отрицания ее социальной значимости» [Кусов, 2011, с. 88].

Сейчас нет разделения на уголовную и гражданскую ответственность за оскорбление. Раньше существовал определенный парадокс, который зафиксирован и в научной литературе, например, бранная и вульгарная лексика в ряде работ не признавалась оскорбительной для человека, поскольку «не характеризует его как нарушителя каких-либо конкретных моральных норм или законов». «Если человека под влиянием негативной эмоции назвали общеоценочным негативным словом *козел*, *тварь*, *урод*, *придурок* и под., значением этого слова ему не приписаны какие-либо нарушения норм морали или законов (в отличие, скажем, от слов *ворюга*, *мошенник*, *взяточник*, *иллюха* и под.) и подобные случаи не подлежат правовому регулированию» [Стернин, 2010].

Сейчас и те и другие случаи должны будут быть признаны оскорбительными, если употреблены адресно, поскольку перед нами определенная форма речевого поведения. А вот уже степень ответственности выясняется в зависимости от степени оскорбительности высказываний.

Для снятия возможных противоречий при определении оскорбительности в случае анализа негативно оценочной лексики, когда коннотация является компонентом корня лексемы, и для более наглядной демонстрации речевого акта оскорбления без использования ненормативной лексики предлагаем следующую методику, апробированную в ряде судебных процессов и давшую результат.

На наш взгляд, для упрощения процедуры доказывания в делах об оскорблении, защите чести, достоинства и деловой репутации можно использовать способ «проверки» слова путём подстановки его в контекст, в котором оно будет относиться к характеристике лица, но будет оценено нейтрально или положительно. Безусловно, данная процедура проверки работает только со словами, которые содержат отрицательную коннотацию в семантике корня и становятся условием формирования

концепта при длительной ротации в языке. Сразу оговоримся, что отрицательная коннотация выраженная словообразовательными средствами (мужичонка, бабёнка, домишко, и, в частности, слова, отрицающие положительный признак: нехороший, неумный, недобрый) требуют отдельного обсуждения.

Итак, предлагаемая нами процедура проверки путем подстановки в контекст, во-первых, не занимает много времени. Во-вторых, что немаловажно для судебного процесса, не требует владения специальной лингвистической терминологией. Это облегчает взаимопонимание лингвиста-эксперта и юристов, предоставит возможность без искажения, непротиворечиво донести свою мысль до всех участников процесса. Конечно, этот метод по сути является языковым экспериментом, который может проводиться как отдельно, так и в дополнение к заключению специалиста, если у сторон и суда возникли сомнения или вопросы к исследованию.

При этом должны быть соблюдены следующие условия:

1. **Условие омонимии.** Значение слова не подменяется омонимичным значением. Как, например, «паразитировать на дискриминации профсоюза» не может быть заменено на близкое по синтаксической структуре, но совершенно отличное по сфере функционирования «паразитировать в организме хозяина».

2. **Условие говорящего.** Это условие подразумевает, что не должны быть использованы дополнительные интонационные или словообразовательные средства, меняющие интенцию высказывания. Например, интонация в контексте «ай да Пушкин, ай да сукин сын!» несет информацию одобрения, а слово «мужичонка» может нести оттенки значения от пренебрежения, снисхождения до свойского одобрения между близкими людьми в просторечии (тоже и со словом «бабёнка»). Другими словами, условие говорящего подразумевает наличие в высказывании интенции оскорбления.

3. **Условие слушающего.** Соблюдается в ситуации, когда слушающий способен адекватно воспринять информацию (он носитель языка и культурных установок данного общества, он физически способен услышать/прочесть сказанное). Условие слушающего также соблюдается, когда нет экстралингвистических причин, которые вынуждают адресата не показывать обиды (как, например, в рассказе Чехова «На чужбине» еврей-арендатор не обижается, по словам помещика Камышина, на грубую характеристику по национальному признаку («Я его и жидом и пархом», – признаётся Камышин). Но из текста рассказа мы понимаем, что причиной «необидчивости» арендатора, скорее всего, является не отсутствие оскорбительности в данных выражениях, а необходимость получения выгоды с этой ситуации (помещик – источник финансирования, именно поэтому его оскорбительные слова еврей-арендатор предпочитает не замечать).

Подбор нейтрального контекста для инвектив (в широком и в узком значении слова), значение которых направлено на какое-либо лицо, практически не возможен. Он равно не возможен для слов *кляузник*, *интриган* и *паразитировать*, как и для любого примера из классификации в книге «Цена слова» или классификации лексики, негативно характеризующей личность по признакам, определенным в диссертации Кусова Г. В. [Кусов Г. В., электронный ресурс].

Разберем пример, заключение по которому было дано экспертами А. Н. Барановым, Ю. А. Сафоновой от 17 декабря 1998 г. (г. Москва) и приводится в книге «Цена слова».

Объектом исследования стала статья в газете «Капитал-Иваново» (ноябрь 1998 г.) «Есть дела, а есть слова или Может, перестанете лукавить, господа Троеглазов и Толмачев?».

Рассмотрим вопросы под номерами 2 и 3, которые были поставлены перед экспертами-лингвистами.

«2. Чем является фраза, опубликованная в обращении к журналистам российских средств массовой информации, о создании главой города Троеглазовым В. В. «своими действиями... прекрасных условий для захвата экономической и политической власти в областном центре и области своей кликой и связанными с ней полукриминальными и криминальными структурами»: утверждением, предположением, вопросом?»

3. Является ли данная фраза оскорбительной для главы города Иваново Троеглазова В. В.?)».

Пока не заглядываем в заключение экспертов, определяем по словарю слово **клика**: «группа сообщников, объединившихся для достижения своих целей. Преступная клика. Придворная клика». Слово имеет пометку презрительное. [Ожегов, 1999, с. 277].

В русском языковом сознании слово клика, кроме названных в словаре Ожегова, употребляется в контекстах «фашистская клика», «клика Гитлера». Однако, само по себе определение лишь намекает на семантику преступления словом *сообщники*. Тем не менее, здесь могут возникнуть разночтения, подобно разбиравшимся примерам со словом *интриган* и словом *паразитируя*. Поэтому попытаемся подобрать для слова другие контексты: например, ‘клика дачников’ (абсурдно и смешно), ‘клика юристов’, ‘клика золотодобытчиков’ (звучит настораживающе), ‘артистическая клика провела бесплатный концерт для больных детей’ (снова абсурд).

Из этого мы делаем вывод, что при соблюдении условий омонимии, говорящего и слушающего слово клика всегда несёт в себе семантику преступления, неких социально осуждаемых действий. И уже значение этого слова формирует контекст: «своей кликой и связанной с ней полукриминальными и криминальными структурами».

В заключении исследования А. Н. Баранова и Ю. А. Сафоновой читаем: «Данная фраза не содержит прямых оскорблений В.В. Троеглазова (типа сволочь, гад и под.). Однако употребление слова клика в словосочетании “для захвата ... власти... своей кликой” является оскорбительным <...>слово клика указывает на то, что названный им человек, преступник».

Итак, на основе предложенной нами методики даже нелингвисту очевидно, что подбор нейтрального контекста невозможен для слов-инвектив в широком и узком значении слова.

Однако употребление без негативной коннотации возможно для слов вроде *толстый*, *пессимист*, *грубый*, которые могут быть восприняты кем-то как обидные, но оскорбительными могут быть признаны только при наличии дополнительных лингвистических, контекстуальных и экстралингвистических фактов.

Итак, процедура подстановки слова, характеризующего личность, в нейтральный контекст наглядно демонстрирует действенность той или иной классификации и практически исключает возможность самоопределения слова экспертом, неверного определения его коннотативных свойств и прочих манипуляций или добросовестных заблуждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бринев, К. И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев; под редакцией Н. Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009а. – 252 с.

2. **Бринев, К. И.** Решение проблемы оскорбления в лингвистической экспертиологии // К. И. Бринев / Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 36. – 2009b. – С. 15–20.
3. **Вардзелашвили, Ж.** Концепт как лингвистическая категория – «конструктивная сущность» // Ж. Вардзелашвили / Тбилисский государственный университет. Филологический факультет: сборник научных трудов. Тбилиси. – 2004. – С. 39–45.
4. **Галяшина, Е. И.** Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // Е. И. Галяшина / Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: материалы научно-практического семинара. – Ч. 2. – М.: Галерея, 2003. – С. 48–64.
5. **Голев, Н. Д.** Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика: Проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. – Барнаул, 1999. – С. 11–57.
6. **Кусов, Г. В.** Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт / Г. В. Кусов. – Режим доступа: http://siberia-expert.com/news/g_v_kusov_oskorblenie_kak_illokutivnyj_lingvokulturnyj_koncept/2011-01-15-129
7. **Кусов, Г. В.** Общие и частные задачи криминалистического обеспечения лингвистической экспертизы. / Г. В. Кусов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 5 (11) – Ч. III. – С. 84–89.
8. **Лосев, А. Ф.** Вещь и имя. Самое само / под ред. А. Тахо-Годи, В. Троицкого. – М.: Издательство Олега Абышко, 2008. – 573 с.
9. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд. доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
10. **Репин, Е.** Мистификаторы и пустозвоны (негодный язык общественных дисциплин) / Е. Репин. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/rep_mistpust.php
11. **Стернин, И. А.** Речевое (бытовое) и юридическое оскорбление / И. А. Стернин. – Режим доступа: <http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/II/4-1-0-144>
12. **Фоменко, Ю. В.** Мифы современной лингвистики / Ю. В. Фоменко. – Новосибирск: изд-во НГПУ, 2010. – 176 с.
13. **Цена слова.** Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / ред. М. В. Горбаневский. – 3-е изд. испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.